ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Очерк

Владимир КАРПОВ Тоннель или Ненаписанный сценарий

Есть воины, которые прошли Афган, есть – Таджикистан, есть Закавказье или Чечню. Полковник Александр Петрачёв – прошёл всё. Тридцать лет в спецназе! Восемнадцать из них – на войнах. Притом, что страна, в общем-то, значительную часть этого времени жила мирно, без видимого врага. Сколько раз, что называется, заглядывал в лицо смерти? Сколько потерял товарищей? Сколько жуткого, страшного довелось пережить! Но, удивительно, при встречах, испив горькой, он чаще всего заводит речь не о том, как воевал, а о том, как 1992 году выводил воинскую часть из Закавказья: колонну 23.

– Напиши книгу, – говорит он мне. – Или сценарий: сегодня офицер, майор, поднимает рог с вином, произносит красивый грузинский тост за дружбу, за братство народов, а завтра тот же человек приходит с бандитами мародёрствовать!

Я лишь время спустя понял, почему его "клинит" именно это: да потому что там, при военных столкновениях, воины вели себя, как подобает воинам. А противник – как достойный противник. Здесь же, когда российским войскам пришлось покидать земли, которые в одночасье стали территориями другого государства: поразило предательство тех, кто ни под каким предлогом предавать бы не должен, крушение воинских основ и одного из самых крепких советских мифов о "нерушимом единстве наших народов".

– Это было! – спустя более двух десятков лет не перестанет удивляться полковник. – Майор у меня, грузин, поднимал тосты, клялся в дружбе! Вдруг приказ командования: передать оружие и технику местным властям: БМП, пулемёты, патроны! А часть должна передислоцироваться в Россию. Командир дивизии, латыш, собрал вещи, улетел. Я, говорит, теперь гражданин другого государства! Что делать – принял на себя командование, я был тогда подполковником, заместитель командира дивизии. Передали оружие, я только себе оставил пистолет и гранату, но не для того, чтобы отстреливаться – бандформирования были тогда по всей Грузии! – а для того, чтобы, если доведётся, не сдаться в плен. Взорвать себя или застрелиться. Собираем колонну – семьи офицеров, солдаты-срочники. И вот является с вооруженными бандитами этот самый майор, наставляет автомат. Грабить пришел своих же сослуживцев! И вместо тостов – "я вашу маму… вашу Россию…". И прочее! Понимаешь? Вот так же, как с тобой, с ним сидели? Братались!.. Рука дрогнула: выхватить пистолет, положить, и будь что будет! Но – семьи офицеров, дети, женщины… Всё же на мне! Вывернул карманы, достал деньги, какие были: "На, бери, людей только не тронь…".

Рассказом о дальнейшем эпизоде боюсь навлечь на моего друга, а заодно и на меня, как автора строк, обвинения в национализме или что-нибудь в этом роде, но "истина дороже". Со мной по соседству, в посёлке Литфонда, жил сосед Гиви. Породистый красивый грузин, размеренный, мудрый. На общие праздники он неизменно жарил шашлыки, меня научил этому делу, хотя сам никогда не ел: возьмёт кусочек для приличия и так и просидит над ним. Не часто, но иногда пел: грустно, при глуховатом голосе – неожиданно трубно, слыша, знать, там, внутри себя, горное эхо. Приехал он в Москву в августе 1991 года на экскаваторе с длинным хоботом. И надо же было так совпасть, что, похоронив в трудную годину жену, отправился Гиви из Грузии при СССР, а прибыл в столицу, когда пал ГКЧП, и Нерушимый дал очевидные трещины. Так и остался Гиви здесь, встретив сердобольную русскую женщину. И экскаватор с поднятой стрелой ещё долго стоял в нашем посёлке фаллическим символом. С Гиви мы пережили время, когда у Литфонда не было средств содержать посёлок, котельная среди зимы перестала работать, вся отопительная система была разморожена, и мы, как могли, спасали свой "спальный корпус": старый деревянный дом постройки 1935 года.

Как-то ко мне приехал Петрачёв. Гиви стоял у входа в дом, курил страшно крепкие вонючие сигареты: мужские! И я, естественно, сделал движение, чтобы познакомить хороших людей. Полковник резко кивнул в знак приветствия и быстро прошел мимо, не подав руки.

– Прости, – сказал, войдя в квартиру. – Я понимаю, может, он очень хороший человек. Находились такие, когда выходили колонной, кто хотел помочь! Сочувствовали: помочь-то было невозможно, расстреливали! Но… – с силой прижал полковник Петрачёв ладонь к груди, – не могу!

Он не раз мне рассказывал о том, как доверял афганцам: если тебя пригласили в аул гостем, хозяева сами, скорее, умрут, но тебя не сдадут. Говорил он это и про таджиков, азербайджанцев, правда, всех тех, из аулов, живущих сельским трудом. Какие они трудолюбивые и как умеют довольствоваться малым. Выходило, говорил хорошо о мусульманах, а христианскому народу, единоверцам, в человеческой надёжности отказал.

Но, может быть, дело во времени и ситуации: за русским солдатом прежде была великая страна, и его не разоружало собственное командование.

Уместно вспомнить свидетельство Л.Н. Гумилёва, который писал, что в тюрьме люди объединялись, прежде всего, по национальному признаку, и только русские не сбивались в стаю и могли оказаться в среде самых разных народов.

За годы дружбы я вошёл в круг "воинского товарищества" неутомимого полковника Петрачёва.

Однажды на записи радиопрограммы "Национальный герой" один за другим оказались два мужественных человека: актер, исполняющий роли суперменов, и отставной генерал. Актёр приехал на громадном джипе, сидел в студии, живо, с напором рассказывал об участии в опасных трюках, об участии в поединках единоборцев, которыми в 90-е также приходилось и зарабатывать на жизнь: плечистый, рельефный, увешанный цепями из ценного металла, крутой. А следом пришел бывший разведчик спецназа, генерал майор. Тоже с очень крепкими плечами, но в старой одежонке, тихий. С улыбкой, как о пустячных случаях, забавлял историями о том, как его однажды в бою подкинуло и перевернуло, он думал, что оторвало ногу, а пуля попала в каблук! Другой раз, в рукопашной, он упал, и на него рухнул "противник". Генерал, тогда ещё майор, перевёл "врага" на болевой, глядит, а это уже убитый… Он участвовал в шестидесяти семи боях, был тяжело ранен. И я ему взялся, было, сочувствовать. "У меня кавказские корни, – пояснил генерал. – С семнадцатого века – все мужчины в роду были офицерами. Я в юности бредил войной. И когда меня ранили, я плакал, но не потому, что могу остаться увечным. А потому, что не смогу больше воевать…". Ушёл пешком, прихрамывая. Напоминая мне героя повести "Полковнику никто не пишет". Орденоносный разведчик спецназа генерал Александр Чубаров.

После каждой встречи с Александром Николаевичем Петрачёвым и его бывшими однополчанами роман ли, сценарий ветвится во мне.

Кавказ. Горный распадок, стремительная река. Красота! Вооружённые бандиты "воруют" женщину с ребёнком. Требуют выкуп. Командир, отстранив рвущегося к бою главу семейства, молодого лейтенанта, сам идёт на переговоры. Выдерживает мнимый расстрел. Жертвует техникой, возвращается с женщиной и дитём…

Вернувшийся из "самоволки" сержант ещё не знает, что оружейный склад уже не принадлежит российским войскам, вступает в доблестный бой с разграбляющими его мародёрами, убив двоих. Его бы к награде, но он на территории другого государства, российский "генералитет" отдаёт приказ о передаче "защитника" местной прокуратуре. Смертный приговор. Правда, "всё на продажу", за "мзду" парня можно вызволить…

Вот офицер, который, видя ситуацию, решает сам, на своей машине окольными путями увезти семью. На дороге его останавливают якобы для проверки документов, забирают машину, пожитки. Расстреливают всех, вместе с детьми, на обочине...

А вот пара влюбленных: она грузинка, военная медсестра, он абхазец, российский офицер. Грузино-абхазский конфликт, скоро вылившийся в войну, уже назревает. Грузинская родня против связи с абхазцем. "Не могу", – отвечает офицер на предложение остаться в грузинской армии. Он верен присяге и собирается служить России. Девушка уходит вместе с "русскими", но у границы, теперь – у "границы", она произносит эти простые и страшные слова: "Не могу". Понятно, что недавние влюблённые скоро встретятся на тропе войны. А колонна российских военных, сопровождаемая мародёрами и больше похожая на колонну военнопленных, входит в Рокский тоннель, соединяющий Южную Осетию, которая ещё недавно была автономией союзной республики Грузии, а теперь боролась за независимость, и Северную Осетию, находящуюся в составе России.

– Входим в тоннель, – всё не проходит недоумение у Саши Петрачёва, – а он где-то четыре километра, и уже бесхозный: раньше-то был советским с соответственным финансированием, а теперь, вроде, и не российский, и не грузинский. Вентиляцию всю растащили, газы выхлопные – скопленные, гарь. Повязку марлевую одеваешь, она чёрная делается! Но движемся, все радуются, ну, час-полчаса и дома, в России! Приближаемся к выходу, а света с обратной стороны нет! Выход заложен бетонными блоками! Решение Верховного совета республики забаррикадировать выход из Грузии: в качестве защиты от бандформирований! У Южной Осетии было двоякое положение: народ проголосовал за независимость, а фактически пока ещё это была Грузия. Там внутренние разборки между грузинами и осетинами были такие, что людей в землю заживо закапывали. А главные виновники, как всегда, русские! Назад – бандиты, впереди – перекрыто! А людям-то уже плохо, дышать нечем, обмороки! Дивизия же: личный состав пощипан, но с семьями – тысяч десять человек! Куда? Обратно, там, как стервятники, бандиты ждут! Да и сами себя подавим, машины не развернёшь, темно! Пространство для пеших меж блоков есть, нашёл машину, до Владикавказа километров сто, на полном ходу, прямо к зданию Верховного совета! Повезло: как раз шло заседание. Передал записку с просьбой выступить. Дали слово. Выхожу перед депутатами, а там мужики одни в зале, докладываю, мол, так и так, уверен, все сразу поймут, откликнутся. Дадут команду снять заграждения. Председатель ставит вопрос на голосование: лес рук против того, чтобы открыть дорогу! Глазам не верю! Чеку гранаты, что ли, снять?! Нет, думаю, что хотите, с трибуны не уйду! Давай по второму разу объяснять! У самого, прям, комок под горло, люди, дети, говорю, там сейчас замурованы, считай, заживо! И вдруг поднимается женщина. И говорит, что же вы, мужчины, делаете? Я, говорит, еду к тоннелю! Кто со мной? И поднялось за ней ещё одиннадцать человек – всего получилось двенадцать! Поехали, дали команду растащить блоки, сами руками помогали!.. Жаль вот, вылетело из головы имя этой осетинки: помню, по дороге она говорила, что подруга Светланы Горячевой… Да она своё имя, наверное, и не назвала, а я не спросил: герои, они чаще всего безымянные… Вышли мы! Там, вначале, ещё горная местность, а ближе к Владикавказу более равнинная. Россия! Люди плакали от счастья! А во Владикавказе я на радостях решил другу позвонить, тоже подполковнику. Он под Читой служил. Нашёл телефон, звоню, говорю, вот, мол, мы тут какие страсти переживаем, пока ты там, на Дальнем Востоке, прохлаждаешься. И вдруг такая пауза, и голос такой тихий-тихий: "Я солдат комбикормом кормлю, со свинофермы…".

Когда русский солдат, награждённый боевыми орденами, оказывался "виноватым" у других, это ещё куда ни шло. Но когда он оказался не в чести, поруган, выставлен на улицу своими – этот приговор пережить непросто! Многие былые воины-интернационалисты признавались мне, что в девяностые подумывали о самоубийстве. Был и демобилизованный воин-интернационалист, друг детства, который это свершил. Какой ты офицер в стране, где солдаты побираются на улицах? Где, по словам президента, сошедшие "с конвейера" танки сразу же отправляют на переплавку, чтобы выпускать кастрюли? Где жёны бросают мужей, потому что само слово "военный" звучит как "отброс общества"?! Остался тогда без "спутницы жизни" и пылкий Саша Петрачёв: тоже, было, выходил на балкон высотного дома, думал, надеть парадную форму, повесить на грудь свои четыре ордена, и ясным соколом!..".

Александр Николаевич, со своим опытом, скоро стране потребовался. Направили его в Чеченскую республику. Про чеченцев он, по-своему, отзывается высоко: "Это особый народ. С ним никто не может воевать. Кроме русского Вани: он с виду может быть и робок, и недотепа. Но поставил его в строй, дал винтовку, он прёт и прёт! И настоящие чеченцы этого Ваню уважают".

Полковник Петрачёв стал заместителем командующего знаменитой пятьдесят восьмой армии. Генеральская должность! Было бы и звание. Но в те времена мэр Москвы открыто предложил "систему, при которой чиновник легально получает не взятку, а процент прибыли…". Прейскурант цен на получение должностей и званий тогда открыто публиковали в прессе, конкретные суммы называли депутаты, генеральское звание, помнится, оценивалось в пятьсот тысяч долларов. Схема была проста, одни предлагали, другие одалживали деньги. Становится человек командиром части или, скажем, руководителем департамента, два года он "сотрудничает" с заимодателями, чтобы отдать долги. Через два, если внутри себя он рачительный и, по меркам времени, порядочной, то начинает работать. Чиновник военного ведомства запросил у воина, за плечами которого значилось присутствие буквально во всех "горячих точках", весьма условную мзду за генеральское звание: пять тысяч у.е.

– По уму бы, – посмеивается Петрачёв, – отдать эти пять тысяч, и в дамках. Но тогда меня всего перевернуло: как это я, боевой офицер, буду платить деньги за звание?! Я на войне, под моим подчинением пятьдесят тысяч человек! Я же его заслужил!

Так Петрачёв и уволился в запас: "полковник". Я ему прибавил "звездочку", называя: "неутомимый полковник!".

Люди и нормы меняются быстро со сменой общественных приоритетов. Стал президентом страны военный человек: звание "военный" теперь в чести. Молодые люди уже не торопятся "закосить", в военкоматах очередь из офицеров запаса, чтобы снова пойти служить! Конечно, и президент из рядов офицерства появился не случайно. В конце 90-х демобилизовавшиеся военные остро осознали, что способность к общественному контролю существует не только у криминала или недавних комсомольских работников. Воинское товарищество куда более сплочёно, испытано, способно решать не только боевые, но и экономические, управленческие задачи на уровне страны.

Александр Петрачёв стал работать в многоотраслевой компании с символическим названием "Гренадёры", руководил которой полковник Владимир Иванович Гаврилов, невысокий, необыкновенно энергичный сибиряк, некогда выведший из ангольских джунглей уже "похороненную" бригаду: тогда в Средиземном море был затоплен советский сухогруз, армия осталась без боеприпасов. Тропики – были его "тоннелем". В "Гренадёрах" трудился и мой старинный друг, бывший военный переводчик Ваня Куницын, сын знаменитого академика. Иван из "тоннеля" так и не вышел: громадного, мощного капитана годы спустя "унесли" последствия приобретённой там же, в батальных джунглях, тропической малярии.

Свой "тоннель" в 90-х прожил каждый в России. Помню, день объявленной "либерализации". Цены в одно утро подскочили… в десять раз! Подхожу к магазину, а люди такие плавающие выходят. Абсолютно безмолвные! Повысились бы цены в два раза, уверен, возмущались бы, роптали! А здесь – шок! Всеобщий шок! Сон ли, явь ли? Автор идеи "либерализации" объяснял в эфире центрального ТВ, мол, советские деньги были не подкреплены товаром, а теперь цена товара приведена всоответствие со стоимостью. Только тогда же, сразу, по стране поехали дорогие "мерседесы", стали воистину, как на дрожжах, появляться "Поля чудес": богатые коттеджные посёлки. "В ту же землю", – описал тогда Валентин Распутин ситуацию, когда не на что купить место на кладбище, и женщина хоронит мать за городскими домами, в "соснячке". И что же? Скоро вокруг "одинокой могилки" разрастается кладбище…

Бывшие воины, сплошь имеющие инвалидность, стали не только зарабатывать, содержать семьи. "Гренадёры" вложили средства в программу на телевидение, пытаясь менять содержимое "останкинского шприца", но там, как Закавказье-92, деньги растворились, концов не найдёшь. Выпустили цикл радиопередач "Национальный герой": никто бы с таким названием тогда программу в эфире не дал даже за деньги, но директором радио "Подмосковье" стал также отставной полковник Н.И. Рязанов. Была создана звуковая энциклопедия русской истории в лицах – более ста выпусков о выдающихся людях! Курировал выпуски Александр Николаевич, вместо пятидесяти тысяч воинов под его командованием был только я один, как автор и ведущий, и мне вполне довелось прочувствовать всю организаторскую мощь этого иногда, кажется, заполошного человека. "Если Петрачёву поставить задачу найти клад там, где его нет, он его обязательно найдёт", – характеризовал неутомимого полковника один из боевых товарищей. И ведь как в воду смотрел – в буквальном смысле!

Сейчас Петрачёв в системе ДОСААФ занимается "поисковиками": группы людей в свободное от основной работы время ищут оставшиеся в земле свидетельства войны.

– Представляешь! – рассказывает он, наконец-то, с радостью в глазах. – В тверском лесу нашли остов самолета! Это же не тайга сибирская, сколько народу там прошло! Сохранившийся остов, а главное, останки и все документы летчика! Оказалось, он числился "без вести пропавшим"! Нашли родственников, детей, внуков: они радешеньки! Кто такой был "без вести пропавший" для официальных органов – дезертир! На семье всю жизнь лежала эта печать! Оказалось, летчик был награждён орденом! Но семье не вручили, потому что как же, а вдруг дезертир?! Сделали захоронение, вручили сыну орден!.. Люди совсем по-иному теперь в жизни будут себя ощущать. Дети, внуки героя!..".

Он всё ещё её выводит, колонну 23, из тоннеля. Насквозь больной: все суставы разбиты от бесконечного десантирования на военном парашюте, дырка в желудке и кровь по сердцу течёт по своему усмотрению, пробиваясь по заросшим клапанам, как по завалам. Среднего роста, подросткового сложения, бритый наголо. Трудно представить, что он был квадратного сложения, вертел "солнышко" на турнике, бегал за армейскую сборную по биатлону. Был усаст, чубат! Складный такой боевой офицер! Врачи, когда он увольнялся из армии, открыто дали ему на земные дела два года. Отведи, мол, душу… Но молодая женщина по имени Галя думала иначе: встала рядом, родила ему сына… И старшие двое, от первой жены, при нём, почитают отца.

Но поколение уходит. Или, скажем мягче: сходит с исторической сцены. Положение страны осложняется тем, что в деятельную жизнь вступается поколение, которое – в масштабах нашей громадной страны – не родилось. Поколение – 90-х. Когда закрывались детские сады, потому что не хватало, малых детей, в школы едва набирали по классу. Сейчас цены на недвижимость упали: причин много, но одна из них и та, что заселяться в новые квартиры должны молодые супруги 90-х годов рождения. А их – несоразмерно мало! Как сказал тренер моей дочери, дагестанец, очень точно поставив общественный диагноз: "С 2005-2006 года – пошли другие дети. Генетически здоровые. И их много". Так что возрастание "человеческого фактора" – энергетический прорыв – будет к 2025 году. А пока…

"Тоннель" 90-х не отпускает нас. В культурологическом бытие мы просто всосаны в "мыло". Ор на злободневные темы пикирующихся "идейных противников" – тоже "мыло": всё в мясорубку, всё на фарш!

И с горькой усмешкой мне остаётся ответить своему другу Саше Петрачёву: кому нужен роман или сценарий про твой "Тоннель"?! Это ведь, по-хорошему, годы работы, а у меня тоже и большие, и малые дети. Но даже напиши: кто его будет печатать? Или ставить? А и поставят: у меня два фильма крутятся по экранам. Никто не платит. За публикации тоже не прийто платить: нечем! Заглох мой "Национальный герой", принёс имеющиеся выпуски на один солидный радиоканал. Назвали сумму. Я, было, обрадовался: задарма был готов отдать, лишь бы без пользы не лежали! Оказывается, с меня: "за раскрутку!". "Приносить лучше наличными". Так что я, брат, пока из "тоннеля" не выбрался, не испытал, так сказать, полного катарсиса.

Заложили выход из "тоннеля" нам, России, и в большой политике. И уж взывает к белу свету наш "посыльный", полковник В.В. Путин, он же президент. Но нет пока той доблестной женщины, которая, как некогда осетинская депутатка, поднялась и сказала: "Кто со мной?". Благо, армия теперь наша не без оружия.

Эскиз к портрету

Вячеслав АР-СЕРГИ "Это - не рай, это - Баку..."

Мы сидели накануне лета на берегу Каспийского моря… Дул лёгкий утренний бриз, шевеля седоватые, но не утратившие непокорной густоты волосы моего собеседника. Он крепок в теле – видится деревенская закваска настоящего горца, не упущенная им ни в его министерские, ни депутатские годы… Мы сидели под шатром прибрежного кафе и ждали своего кутума – местной рыбки, которого здесь готовили просто изумительно. Стояла прекрасная погода. На голубовато-тёмные волны взбегали маленькие белые "барашки" и тут же исчезали, успев сообщить миру, что не стоит беспокоиться о настроении его Каспийского величества – настроение прекрасное, чего и вам желает во всех ваших хороших делах… Солнце, уже и вставшее высоко, всё ещё потягивалось спросонок и не спешило пока опалять, а просто грело – себя и нас… Под редкое, нераздражительное стаккато прибрежной гальки проносились грациозные фигуры молодых официантов, обслуживающих ряды своих прибрежных шатров. Где-то за нами, рядом, глубоко и высоко дышала махина мегаполиса. Баку жил там своей жизнью и нисколько не мешал нам… Хотелось отряхнуть свои крылья и взлететь высоко-высоко, прямо до этих белых редких облачков, неспешно уходящих к морскому горизонту…

– Сабир-бей, наверное, это и есть – рай… – вдруг сказал я, оглянувшись вокруг.

На что услышал краткое и чёткое:

– Это – не рай, это – Баку …

В этой фразе – молниеносном росчерке азербайджанской камчи, было много такого, о чём я понял лишь потом… А если и не понял до конца, то всё же кое о чём и догадался…

В то утро мы сидели на Бакинской набережной с человеком, накрепко вошедшим в мои мысли, но даже и не догадывавшимся дотоле об этом. Это был – Сабир Рустамханлы. Имя, известное мне уже задолго до встречи с ним самим. О нём рассказывал мой литературный наставник, старший товарищ, поэт от Бога, Владимир Романов *(1943-1989)*. Они когда-то, ещё молодыми и задиристыми, познакомились на Всесоюзном фестивале молодых поэтов (ах! было время… проводились и такие) и подружились там. Наш Владимир Васильевич частенько вспоминал своего азербайджанского друга, и в пору своих душевных откровений поучал меня: "Строка, мой друг, должна звенеть от собственного веса… Но при этом уметь лететь и бабочкой на свой огонь… Посмотри, как пишет Сабир Рустамханлы! В его строках нет ни одной половы, всё – полновесное зерно! Но ничего… Вот чуток подрастешь и поедем мы с тобой к Сабиру, моему другу, и всю неделю будем гулять у него, слушать балабан и радоваться. Ведь Сабир – это водопад в горах! Все ему радуются, восхищаются и всем нужна его живительная влага… Особенно в нижних долинах. Хотя никто не думает, как непросто и водопаду каждую секунду биться о камни, торить свой путь… Таков и он – удел поэта…".

Но не пришлось удмуртскому поэту проведать своего азербайджанского собрата. Он упокоился на пригородном ижевском кладбище, вконец измотанный болезнями и бедностью, завистью придворных коллег к его большому таланту, травлей местных властей… Увы, нередкий финал жизненного пути настоящих национальных поэтов из глубин российских… Конечно, мы поддерживали нашего наставника, но наших усилий – не доставало… А всё, чем наполнил меня мой литературный пестерь, мой наставник, я с уважением и признательностью – сохранил, сохранил и приумножаю – по благодати Творца нашего. И тогда же я был почти что уверен, что судьба и меня одарит доброй встречей с самим Сабиром Рустамханлы. А тут и его "Книга жизни" *(1990 г. "Омур китабы", перевод на русский язык Р.Бадалова)* подоспела, восторженно встреченная во всех национальных регионах нашего Урало-Поволжья. Доходило до того, что в некоторых литературно-культурных сообществах нашего края было просто неприлично не прочитать эту книгу выдающегося азербайджанского Мастера, не знать о ней. О ней говорили, с ней спорили – равнодушных не было. Сабир Рустамханлы буквально криком души обращался и к своим сонародникам, и к нам – помните о корнях своих, не будьте "манкуртами", забывшими род свой и язык свой, народ свой и землю свою… Храните очаг горящий и святой от недругов! Берегите язык ваш, землю вашу! А с какой любовью, тактом и теплом он писал о своих сородичах, сонародниках – это было ново, ново и значительно. А сколько было печали в его страницах, пульсировавших болью за свой народ, поливший собственной кровью все камни древнего Азербайджана… Его север и его юг… И боль, и радость поэта – радость ожидания света завтрашнего дня, нам были очень понятны…

И вот наконец-то это свершилось – наша встреча – в Казани, на праздновании Тукаевского юбилея. Судьба свела нас – и мы познакомились.

Сабир Рустамханлы оказался среднего роста, матёрого вида неслабый человек. Но вместе с тем очень деликатный и интеллигентный – "зияллы киши", как называют такового тюрки. Народный поэт Азербайджана, доктор филологических наук, признанный Мастер-устад азербайджанской литературы. Он высоко ценит острое и сочное, умное слово, сказанное вовремя и по делу, умеет услышать его и сам сказать. Он не строит из себя всезнайку, надувающую от собственной важности щёки, он совершенно открыт всему новому, но меряет всё это собственным ярдымлинским аршином, не подводящим его никогда. В доброй компании он – совершенно свой. От души смеётся, собирая весёлые морщинки у глаз – родниково-притягательных, несколько подусталых, но очень внимательных, светящихся добрым теплом… Одет со вкусом, вид – располагающ. Стремителен в движении, задумчив при беседе. Таким я и представлял его по речам моего наставника и по фото, увиденным мною из его книг. Рукопожатие крепкое, ладонь – широкая и могутная, сухая и тёплая. Когда меня представили ему и он узнал – кто я и зачем подошёл к нему, он тут же солнечно улыбнулся и приобнял меня – салам, салам, друг – гардаш! Говорили мы много, обо всём, а расстались – не наговорившись.

– Жду в Азербайджане, – сказал он при прощании. – Когда-то наши предки были одним народом – нынешние тюрки и финно-угры, и понимали друг друга без переводчиков. Поймём и мы сейчас. И да поможет нам наша пери – Поэзия… И ещё… добрым словом помянем Володю Романова, большого поэта и нашего друга.

И вот я в Азербайджане.

То, что почувствовал с первой минуты своего пребывания в этой стране, всё более укреплялось во мне – чувство доселе мною неведомого. Мало, очень мало мы знаем об Азербайджане, право-слово. Даже из курса средней нашей советской или российской школы, вуза, наших ТВ и разнообразных СМИ. Я смотрел в лица жителей Баку, Шемахи, Шеки, Евлаха, Билясувара, Сальяна, Масаллы, Ярдымлы – родного района Сабира Рустамханлы, и будто заново перечитывал бессмертные страницы произведений гениев мировой поэзии – Низами Гянджеви, Насими, Хатаи, Физули, Мирзы Фатали Ахундова, Микаэла Мушфига, Самеда Вургуна и многих других. И современных авторов, в том числе… А что не успелось до этого – читалось, именами заносилось в памятки уже здесь. Исподволь и с толком. Ведь я шёл по стране, ведомый верной и надёжной рукой большого поэта, истинного азербайджанского писателя – Сабира Рустамханлы. Он щедро дарил мне встречи со всё новыми и всё более захватывающими страницами книги его Азербайджана… И ещё… Я чётко осознал то, что те азербайджанцы, которые живут у нас, в российских провинциях, работают кто где, в основном в торговле, держат разные кафе – большие и малые, и те азербайджанцы, что живут и работают на исконной земле своих предков, дома, – это несколько разные люди. Суть не в том, что – лучше или хуже, нет, а в том, что – разные. Это можно понять только при близком рассмотрении, а именно – из самого Азербайджана, где уже на второй-третий день буквально по глазам начинаешь узнавать беженцев и собственным лбом ударяешься о нерешённую их проблему и при этом абсолютно не знаешь, как им помочь, когда и сам – "ведом ветрами разными…". Это оставляет тяжёлый отпечаток на душе… Но с этим люди там живут изо дня в день… А ты уезжаешь – уже к своим проблемам.

Я попросился на несколько дней в Ярдымлы, в родное селение клана Рустамханлы – Хамаркенд. Добираться в этот горный район – целое приключение. Приключение занимательное и приятное, ведь оно прерывалось и на чаепитие у водопада Рустамханлы, находящегося уже в родных горах Сабир-бея. Хамаркенд – родина Сабира Рустамханлы, сына Худу. Здесь он родился 20 мая 1946 года. Учился в райцентре Ярдымлы, отсюда ушёл покорять свои вершины в Баку – поступил на филфак университета, премного и приятно удивив этим всех своих сородичей, отца и мать – тоже. И во многом судьба благоволила ему – одаряла удачами. В жизни, науке, работе и литературном творчестве. Много раз избирался депутатом Милли Меджлиса Азербайджанской Республики – это тоже в добрый зачёт. И в благодарность своей судьбе за дары её Сабир Рустамханлы очень много работал – всегда. Работает и сейчас…